

30-2
238

У.

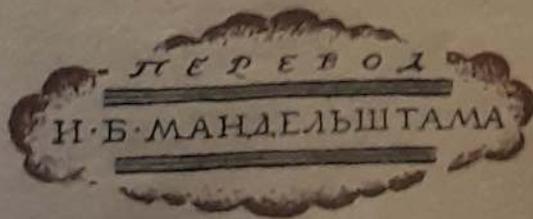
* О Н О Р Д *

ДЕБАЛЬЗАК

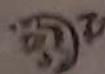
УТРАЧЕННЫЕ

ИЛЛЮЗИИ

148/499

АКАДЕМИЯ
М С М А А

Инвент. № 2183

Г.П.Б-ка обяв. экз.
Дыгр. 1930
Акт № 4877

HONORÉ DE BALZAC
ILLUSIONS PERDUES

Обложка, супер обложка и оформление книги по рисункам художника С. М. Пожарского

Ленинградский Обдастант № 50149
Отпечатано в госуд. типографии
им. Е. Соколовой, Ленинград,
пр. Кр. Командиров, 79
Тираж 5070 — 29 л
Заказ № 320

л
с
м
х
у
л
п
у
ш
в
в
м
вз
н
пр
э
Б
178
нос

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Бальзак — творец французского реалистического романа. Он первый понял, что социальная действительность дает литературному творчеству более богатый, обширный и крепкий материал, чем все условные, дотоле существовавшие, фикции. Он ввел в роман подлинную человеческую нужду, борьбу за насущный хлеб и за деньги. Персонажи его произведений уже не были, как в классической литературе, людьми „хорошего общества“, действовавшими под влиянием благородных чувств или светских условностей и говоривших слегка напыщенным, цветистым языком; это уже не были люди вычурные, неестественные, безобразные, совершенные, чистые или идеальные, как в романтической литературе. Герои Бальзака были взяты им прямо из жизни, прямо с улицы он перенес их в свои романы, и они выглядели у него правдивыми и жизненными.

Эта литературная революция была в ту эпоху необходимой. Как и все великие люди, Бальзак явился в свой час. После революции 1789—93 г.г., уничтожившей путь для победоносной буржуазии, после того как наполеонов-

ская империя внушила силою оружия, старой Европе уважение к новому французскому строю, — революция индустриальная при помощи машинной техники и железных дорог, то-есть при помощи всемогущего капитала, опиравшегося на наемный труд, начала преобразование мира. Первые паровые машины появились во Франции около 1817 года. Первые железные дороги были проложены в 1830—1840 гг., в эпоху литературной деятельности Бальзака. И эти успехи техники дали такой толчок развитию капиталистического общества, что в течение тридцати только лет (1815—1848) Франция была совершенно преобразована. Ремесленная промышленность пришла в полный упадок. В стране возникли крупные мануфактурные центры, явившиеся, вместе с тем, и большими пролетарскими центрами. Капиталистическая и дворянская монархия, восстановленная в 1815 году „Священным союзом“, победившим Наполеона, была свергнута парижским народом. На смену ей пришла монархия конституционная и цензовая, возглавляемая буржуазным королем Людовиком Филиппом. Купец, промышленник и банкир стали постепенно истинными хозяевами положения. И эта решительная экономическая победа буржуазии окончательно закрепила и политическую победу, одержанную ею в 1789—93 гг. С этого момента крупная буржуазия стала диктовать свои законы и пролетариат, зажатый в тисках жесточайшей эксплуатации, лишенный всех прав и обреченный экономическими кризисами на безысходную нужду восстал

с криком: „Жить работая или умереть сражаясь!“ (Лион 1831 г.).

Это новое общество, быстро шедшее по пути преобразований и создавшее сотни тысяч новых людей: пролетариев, дельцов, крупных промышленников и политических деятелей, вынужденных защищать новые классовые интересы, — это общество не могло, конечно, довольствоваться литературой предшествующей эпохи. Новое, насыщенное духом реализма поколение, вплотную подошедшее к реальной жизни, ждало от писателя ярких картин их собственного торжества. Оно жаждало увидеть в романе подлинную жизнь — свою собственную жизнь. Наконец, буржуазия ибо пролетариат, как это вполне понятно, почти не знал литературы, подобно тому как и литература не знала пролетариата, требовал от писателя, чтобы он помогал социальному переустройству общества.

Бальзак быстро понял этот категорический императив. Он ясно осознал общественное значение писателя, работающего для своего класса. И, не задумываясь, он стал консерватором, буржуа, служителем существующего строя и быта писателем новых прав, с неподдельным восторгом описывая торжество буржуазии. И его глубокая искренность умножила его творческую силу. Бальзак всей душой примкнул к миру, который он описывал, как натуралист, вооруженный методом научного наблюдения, сделавшегося столь же необходимым, как и техника. Общество рисовалось ему грандиозным зданием, построенным правда, на

нищете, труде, жестокой эксплуатации, борьбе за существование и несправедливости, но увенчанным богатством, роскошью и искусством. Бальзак громко восхвалял культ золота и, в соответствии с интересами своего класса, философски связал смысл существующего общества с католической верой и милосердием этим крепким оплотом богачей.

Общество, которому Бальзак так ревностно служил, подавляло его тяжестью своего строя но все же сломило его. Биография писателя в значительной мере объясняет его литературную деятельность и эту книгу, в частности. „Бальзак“, — пишет Тэн, — был делец и делец, погрязший в долгах. До двадцатипятилетнего возраста он жил в мансарде, занимаясь сочинением трагедий или романов, которые он и сам находил плохими, — жил отвергнутый своей семьей, посылавшей ему очень мало денег, почти без заработка и под вечной угрозой заняться по необходимости, каким-нибудь чисто механическим трудом, — жил как общепризнанная бездарность, скупаемый в то же время жаждой славы и сознанием своего таланта. Стремясь к независимости, он ударился в спекуляцию: стал сначала издателем, потом типографом и словолитчиком. Но ему не везло и вскоре перед ним вырос призрак банкротства. После четырех лет трудной и неприятной жизни Бальзак ликвидировал свои дела и, оставшись кругом в долгах, стал писать романы, чтобы погашать гонораром свои обязательства. Эти долги были тяжелым ярмом, давившим Бальзака всю жизнь. С 1827 года

по 1836 он только тем и существовал, что подписывал векселя, которые поставщики переписывали с большим трудом. Писателю приходилось их ублажать, уговаривать и осыпать всякими обещаниями. Но все его усилия были напрасны. Его долги, беспрестанно увеличиваемые процентами, росли с каждым днем. До самого конца, его жизнь была, неналаженной и полной тревог. Вечно осаждаемый кредиторами и преследуемый ими, он работал, не покладая рук. Он вставал в полночь, пил кофе, трудился не отрываясь от стола, двенадцать часов подряд, после чего бежал в типографию и правил там корректуру, обдумывая, в то же время новые темы. Он основал два журнала, из которых один он составлял почти самостоятельно. Три или четыре раза он пытался работать для театра. В голове его без конца зрели всякие спекулятивные планы, и однажды он отправился в Сардинию, чтобы проверить, не осталось ли серебра в шлаках которые эксплуатировали римляне. В другой раз, ему показалось, что он изобрел какой-то новый технический способ, и он стал производить над ним опыты...

Так жил Бальзак „терзаемый неприятностями и нищетой“. Деньги, деньги и деньги: они преследовали и мучили его всю жизнь и, то вследствие нужды, то ради чести, то в выла мечтаний и надежд, он стал их добычей и рабом; словно властелин и палач, они заставляли его корпеть над работой, вдохновляли его взор, водили его рукой, выковывали его творческий дух и оживляли его стналь“. Баль-

зак умер, когда ему было 51 год, оставив удивительное литературное наследие. Из его многочисленных романов семьнадцать составляют серию, под названием „Человеческая Комедия“, — подробное, аналитическое и синтетическое, описание современного ему общества. И широта набросанной им картины, в соединении с его реалистическим, почти научным методом наблюдения, а также глубокое знание всех пружин современного ему общества, надолго сделали властителем дум французской литературы XIX века.

„Бальзак рассматривал общество, говорит Тэн, как арену борьбы эгоистических интересов, где торжествует, руководимая хитростью сила, где страсти глухо и бурно прорывают противопоставляемые им преграды, где общепризнанная мораль сводится к внешнему соблюдению приличий и законов“. И эта, богатая красками, книга, эта социальная драма в трех частях, ярко выявляет личность Бальзака, и дает конденсированное, так, сказать, изображение некоторых существенных сторон его творчества.

Первая часть „Утраченных иллюзий“ рисует картину провинциальной жизни в эпоху Реставрации, когда романтизм молодого мелкобуржуазного поколения, боролся, вдали от деловых центров, с консервативным и все более ретроградным духом дворянства и рутинной старости.

Во второй части „провинциальная знаменитость в Париже“ знакомится с капиталистическими нравами, резко отличающимися от патри-

архальных нравов провинции. Париж 1835 года, который нам показывает Бальзак, Париж с его продажною печатью и такими же театрами с его куртизанками и нажившими миллионы лавочниками, с его светскими дамами и салонными авантюристами — принадлежит уже, несмотря на истекшие сто лет, к современности — это Париж наших дней, метрополия капитала. И его недуги и недостатки, постепенно проникают и в провинцию.

Третья часть книги снова переносит нас в провинциальную Францию, но для того, чтобы на фоне торговой конкуренции показать закулисную сторону сложной драмы, которых немало пережил Бальзак в своей жизни неудачливого делового человека. Мы уже знаем, что он тоже был и типографом, и изобретателем, и торговцем, которого осаждали кредиторы и обирали адвокаты. Как и оба выведенные им поэты, мечтатель и изобретатель, — он тоже на протяжении всей своей жизни постепенно утрачивал иллюзии, не потеряв их однако окончательно.

„То были иллюзии философии и морали, находившиеся в противоречии с идеями развивающейся буржуазии. Народу необходима вера, говорила буржуазия. И старалась сохранить для народа христианскую мораль, которая обезоруживала бы его перед эксплуатацией, сохранить культ честности, столь ценный для вооруженных плутов капитала и закона, семейные добродетели, здоровье трудовых классов, культ таланта и успеха, необходимых для торжества индивидуализма.

Одним словом, правящим классам той эпохи нужна была противоречивая и двуличная идеология, на одной стороне которой красовались старые идеалистические иллюзии, а на другой — грубый реализм, практический и бессовестный. Им нужна была одна идеология для умиротворения и обмана эксплуатируемых и другая — для вооружения и укрепления эксплуататоров. И Бальзак, как и общество, в котором он жил, был соткан из этих противоречий.

В. С.